

БИБЛИОГРАФИЯ ВОСТОКА

Выпуск 2—4

(1933)

**ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

1934

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

роде, мы имеем интересные и важные экономические и социальные исследования по отдельным районам, имеем и отдельные исторические исследования индийских ученых, чрезвычайно ценные, но, к сожалению, велико число и таких псевдо-исторических работ, как книга Бандьопадья о Каутильи. Укажем, например, хотя бы на выпущенную в 1930 г. книгу Р. Т. Srinivas Iyengar «A short history of India», чисто внешнее, подинастийное описание истории Индии, не дающее никакого представления о ходе развития индийских культур, ни малейшего представления о классах и их борьбе, о чем имеются богатейшие материалы, — никакого представления об экономике Индии. А автор преподаватель истории в Мадрасском университете! Надо пожелать, чтобы столь ненормальная постановка изучения истории и экономики в самой Индии была скорее изжита.

И. Ю. Крачковский

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ЙЕМЕНА

(Rathjens- v. Wissmannsche Südarabien-Reise. Band 1. Sabäische Inschriften bearbeitet von J. H. Mordtmann und Eugen Mittwoch. Mit Abbildungen und Karten. Hamburg. Friedrichsen, de Gruyter und Co. m. b. H. 1931. Quart. XVI + 270. RM 20. — Hamburgische Universität. Abhandlungen aus dem Gebiet des Auslandskunde. Band 36 — Reihe B. Völkerkunde, Kulturgeschichte u. Sprachen. Band 17)

Изучение южно-арабской древности за последние годы перешло в новую стадию. «Сабейстика» как бы стремится оформить себя и постепенно превращается из подсобной второстепенной области семитологии в самостоятельную дисциплину. Она начинает создавать и руководства учебного характера, и выводы, подводящие итог всему достигнутому до настоящего времени, и специальные монографии, направляющие исследование в незатронутые раньше области. Характерным показателем некоторого оживления явился выход в 1926 г. грамматики Ign. Guidi¹ — первой учебной в этой области, давшей в руки учащихся и некоторый текстовый материал² с удобным словариком.³ Единственным предшественником ее в грамматической литературе был труд Ф. Hommel'я,⁴ строившийся по иному принципу и мало пригодный теперь для начального изучения по состоянию разработки в 90-х годах. Через год после учебной грамматики Ign.

¹ *Summarium grammaticae arabicae meridionalis auctore Ignatio Guidi* (Le Muséon, XXXIX, 1—32).

² На стр. 19—26 помещены с переводом четыре надписи, взятые из *Corpus Inscriptionum Semiticarum*.

³ Стр. 27—32 (сабейским шрифтом с латинской транскрипцией).

⁴ *Süd-arabische Chrestomathie (minäo-sabäische Grammatik-Bibliographie-minäische Inschriften nebst Glossar)*. München, 1893, 40, VI + 136 (литография).

Guidi вышло издание другого характера — первый том большого свода, редактируемого D. Nielsen'ом.¹ Впервые в широких очерках по четырем основным линиям — истории, общественной жизни, археологии, религии — свод суммировал результаты специальных исследований южно-арабской древности; очерки были составлены теми учеными, которые своими работами не мало содействовали прогрессу соответствующих областей. Около этого же времени редакторы известного издания Парижской Академии Надписей «*Répertoire d'Épigraphie sémitique*» решили объединить в одном месте сведения о всех южно-арабских надписях, что при большой разбросанности материала является действительно необходимым. Осуществление этой идеи было поручено бельгийскому семитологу-эпиграфисту G. Ruykmans'у. В 1928—1929 гг. вышел в двух выпусках пятый том *Répertoire*, в котором даны сводные сведения о 430 приблизительно надписях в порядке хронологической последовательности появления о них упоминаний в науке, начиная с 1811 г. по 1872 г. Издание будет продолжаться; редактор не ограничил узко свою задачу, а дал кроме того полную библиографию всех работ, которые относятся к южной Аравии, начиная с 1716 по 1928 г. включительно в количестве 841 номера (стр. III—LXXXIII). Благодаря изданию Ruykmans'a, все исследователи получили теперь возможность быстро и удобно ориентироваться во всей крайне разбросанной литературе.² Что интерес к сабейстике возрастает, ясно показало появление уже в 1930 г. вторым изданием грамматики Ign. Guidi;³ помимо ряда мелких поправок и дополнений, равно как некоторого изменения в составе приложенных к ней текстов,⁴ она очень любопытна тем, что вышла одновременно на латинском и арабском языке в изданиях Египетского университета. Последнее обстоятельство характерно для жизни современного арабского Востока, который все более проникается методами и интересами современной европейской науки, устремляясь в те области, которые еще недавно не привлекали его внимания. Сабейский язык не является экзотическим для арабов: Ign. Guidi был едва ли не первым, кто познакомил с ним еще во время своих лекций в Египетском университете в 1909 г.⁵ Важное и не существовав-

¹ Handbuch der altarabischen Altertumskunde, in Verbindung mit Fr. Hommel und Nik. Rhodakanakis, herausgegeben von Ditlef Nielsen, mit Beiträgen von Adolf Grohmann und Enno Littmann. I Band. Die altarabische Kultur. Kopenhagen, 1927, 40, VIII + 272 (76 рисунков).

² Было бы желательно иметь алфавитный указатель авторов для более легкого отыскания нужных статей по фамилии.

³ Summarium grammaticae veteris linguae arabicae meridionalis. Latine et arabice confecit Ignatius Guidi. Le Caire 1930. (Université Égyptienne. Recueil de travaux publiés par la Faculté des Lettres. Deuxième fascicule). 80, 39 + 39 (с арабским заглавием).

⁴ К четырем надписям первого издания прибавлены еще две, причем одна (№ VI) минейская.

⁵ См. محاضرات ادبيات الجغرافيا والتاريخ واللغة عند العرب... التي خطب العلامة. تاريخ اللغات مصر стр. 91—101 с рядом образцов. Специальный отдел посвящен сабейской древности у каирского ученика E. Littmann'a И. Вольфензона в его работе السامية تاليف الدكتور اسراييل ولفنسون, Каир, 1929, 227—252 (образцы надписей 248—252).

шее раньше пособие принес 1931 г. — первую южно-арабскую хрестоматию С. Conti Rossini.¹ Помещенные в ней 102 надписи (стр. 39—97) составитель распределил по основным группам южно-арабского языка: сабейской (№ 1—65), минейской (№ 66—82), катабанской (№ 83—92), хадрамаутской (№ 97—102) и аусанской (№ 93—96). Кроме тщательного подбора текстов хрестоматия ценна сводкой сведений одиннадцати классических авторов о южной Аравии, которые составитель дает (стр. 1—37) в латинском оригинале или в таком же переводе с греческого. Особенно важное значение приобретает приложенный к хрестоматии словарь (стр. 99—261), так как он включает не только весь лингвистический материал самой хрестоматии, но привлекает и другие непомещенные здесь надписи всегда с полным указанием источника текста и параллелями из других семитических языков. Если вспомнить, что до последнего времени не существовало никакого словаря южно-арабского языка, то понятна громадная услуга сабеистике, оказанная составителем.

Все перечисленные пособия почти в корне меняют приемы изучения южно-арабской древности: положение начинающих ученых теперь несравненно легче, чем было двадцать и даже десять лет тому назад. Нельзя думать, конечно, что создание пособий за этот короткий период поглотило все силы сабеистов: в то же самое время шла интенсивная разработка накопившегося материала. Достаточно взглянуть на библиографию Ruckmans'a, чтобы видеть, как энергично продолжалась работа, например, в австрийской школе сабеистов, главным образом, благодаря усилиям N. Rhodokanakis'a, его учеников и сотрудников (A. Grohmann'a и др.). Прочие страны не отставали в этом направлении: если война вызвала некоторое замедление в монументальном издании *Corpus Inscriptionum Semiticarum*,² то теперь можно надеяться, что усилиями G. Ruckmans'a оно движется быстрее; также можно надеяться, что организация на Конгрессе ориенталистов в Лейдене в 1931 г. особой международной комиссии ускорит опубликование надписей собрания Glaser'a и даст неутомимым исследователям их возможность усилить темпы опубликования.³

Превосходя все предшествующие периоды в смысле создания пособий и интенсивного изучения накопившегося материала, последние годы не могут похвалиться особенно значительным его приростом: в этом смысле результаты экспедиций J. Halévy и E. Glaser'a попрежнему остаются непревзойденными.

¹ Karolus Conti Rossini. *Chrestomathia arabica meridionalis epigraphica edita et glossario instructa*. Roma, 1931 — IX, 80, XII + 264.

² Имею в виду *Pars IV, Inscriptiones Himyariticas et Sabaeas continens*, которая в дальнейшем называется сокращенно *СН*. Общие замечания о движении и плане этого издания см. G. Ruckmans. *Notes épigraphiques*. Muséon, XLIII, 1930, 389—391.

³ О докладе G. Ruckmans'a, 8 сентября 1931 г., вызвавшем организацию этой комиссии, см. *Actes du XVIIIe Congrès des Orientalistes, Leyden 1932*, 175 (ср. еще 180 и 32).

Наиболее крупным приобретением довоенного времени были надписи Н. Burchardt'a (убитого 19 декабря 1909 г.), постепенно и медленно входившие в обиход науки, главным образом, в изданиях М. Hartmann'a.¹ Значительно превзошли его (по крайней мере в количественном отношении) результаты экспедиции С. Rathjens'a и Н. von Wissmann'a зимой 1927—1928 г.; появление первого тома трудов этой экспедиции, специально посвященного сабейским надписям в количестве 174 номеров,² представляет крупнейшее событие в области сабейстики за прошлый год.

Известия об этой экспедиции проникали в печать и раньше. Уже 29 августа 1928 г. был назначен доклад С. Rathjens'a на международном Конгрессе ориенталистов в Оксфорде; однако он не мог состояться за несвоевременным разрешением на ввоз кинофильмы (см. *Proceedings of the seventeenth international Congress of Orientalists, Oxford—London, 1929, 85*). В ноябре 1928 г. один из участников сделал общий доклад в Географическом обществе в Берлине.³ Через год в журнале этого же общества обоими была опубликована статья, посвященная Сан'а;⁴ помимо целого ряда новых данных, распределенных в пяти главах,⁵ статья очень ценна двумя картами (окрестностей Сан'а и планом города), равно как шестью рисунками, один из которых дает впервые авиосъемку города. Почти одновременно с этим вышел краткий отчет и на французском языке.⁶ Он сообщает общие сведения об условиях и результатах поездки с рядом антропологических (149—151) и исторических (152—155) соображений. О работе над надписями тоже было известно с 1928 г.: на съезде немецких ориенталистов в Бонне Е. Mittwoch сообщил, что им совместно с J. Н. Mordtmann'ом готовится издание сабейских надписей, собранных экспедицией.⁷

Появившаяся теперь работа дает гораздо больше, чем можно было ожидать или требовать от простого *editio princeps*. Построенная на основе материалов экспедиции Rathjens — v. Wissmann, она привлекает целый ряд других, известных и неизвестных источников и перерабатывает всю литературу, касающуюся

¹ Общая характеристика результатов его путешествия дана в 1926 г. Е. Mittwoch'ом (*Aus dem Jemen. Hermann Burchardts letzte Reise durch Südarabien, bearbeitet von E. Mittwoch. Leipzig, 4°, 74 стр. и 28 табл.*).

² Фактически их несколько больше, если даже не считать подделок № 175—188: некоторые номера повторяются с литерами (напр. 146a и 146b или 150a и 150b и др.), под другими описывается несколько надписей.

³ Eine Reise nach Südwestarabien, *Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin*, 1929, 77. О предпринятой поездке упоминалось там же еще раньше, 1928, 255.

⁴ Sanaa. Eine südarabische Stadtlandschaft, *ib.* 1929, 329—53.

⁵ I. Lage in der Landschaft (329—332), II. Die Ebene von Sanaa (332—337), III. Geschichte (337—340), IV. Stadtbild (340—349), V. Stadtleben (349—353).

⁶ Carl Rathjens. Exploration au Yémen. *Journal Asiatique*, CCXV, 1929, 141—155.

⁷ Neues Inschriftenmaterial aus Südarabien (*ZDMG LXXXII*, 1928, *72—*73). Cp. G. Ryckmans. *Notes épigraphiques, Muséon*, XLIII, 1930, 391.

сопредельных вопросов. Эпиграфические результаты экспедиции сводятся, главным образом, к выполненным от руки копиям надписей. Эти копии отличаются несомненно большим графическим искусством для непосвященного глаза, но нельзя забывать, что снимавшие их лица — географы и натуралисты по специальности¹ — до поездки не были знакомы не только с южно-арабским языком, но и шрифтом (VII—VIII);² в их снимках часто встречаются промахи и ошибки, иногда ясные специалисту с первого взгляда, иногда немало затрудняющие его издание. Копии Rathjens — v. Wissmann являются не столько основным, сколько исходным пунктом нового издания. К нему примыкают копии тех же надписей, которые иногда встречаются в собрании Glaser'a. Частично они были использованы по факсимиле и эстампам, которые были предоставлены редакцией СИН, где иногда воспроизводились (VIII), частью по копиям, снятым с оригиналов Glaser'a еще при его жизни J. H. Mordtmann'ом (XIV, прим. 2). Третьим основным фондом издания является наследие путешественника H. Burchardt'a, главным образом в виде прекрасно выполненных фотографий и надписей, очень часто тех же, что позже были зарисованы Rathjens — v. Wissmann'ом (VIII—IX). Конкорданс их, составленный издателями (XIII), дает возможность ориентироваться во всей связанной с ними литературе. Наряду с тремя основными фондами издатели систематически привлекают к исследованию и описанию отдельные предметы из частных коллекций (напр. M. Ginsberg'a, 234, № 171, G. Hahn'a, 242, № 174a и т. д.). С такой же полнотой использованы и фотографии; интересно, что последними издатели обязаны не только европейским ученым (напр., семитологу H. Schlobies, 198, № 157), но и некоторым местным деятелям. Одному из последних Мухаммеду Салах ад-дину ан-Наджжару принадлежит, например, прекрасный снимок (188) со знаменитых бронзовых дверей в Сан'а, открывающих СИН. Издание с внешней стороны выполнено очень хорошо и воспроизведение таблиц стоит на высшем уровне современной техники.

Экспедиция первоначально имела в виду географическое обследование 'Асира,³ но не получила на это соответствующего разрешения от Ибн Са'уда и могла использовать пребывание в Джедде только для изучения ее ближайших окрестностей и киносъемки начальных стадий хаджа.⁴ В виду неудачи первоначального плана база была перенесена в Ходейду, где участники встретили благосклонное отношение Имама Яхьи и полное содействие с его стороны работам около Сан'а.¹ В связи со специальностью лиц, входивших в состав экспедиции,

¹ См. JA CXXV, 1929, 141, 144. Кроме двух основных участников в состав экспедиции входила еще M-lle Apitz, étudiante en langues orientales (ibid. 141).

² Все цифры, приводимые без пояснений, относятся к страницам работы Mordtmann-Mittwoch; те, при которых стоит номер, — к изданным в ней надписям.

³ JA CXXV, 1929, 141.

⁴ Ibid. 142.

основное внимание направлялось на изучение стратиграфии и тектоники южной Аравии, сбор ботанических и зоологических коллекций, ознакомление с современной культурой и экономикой Йемена. Результаты в этих областях будут опубликованы в других изданиях.²

Материал в книге Mordtmann-Mittwoch распределен по местностям, откуда происходят или где были найдены надписи. Главное обследование направлялось преимущественно к северу, северо-востоку и северо-западу от Сан'а на километров 10—35.³ От общего плана несколько отступает первая глава, посвященная хронологии сабейских надписей (1—10), которая является экскурсом, выросшим из всей работы; к этому вопросу авторам приходится возвращаться неоднократно и в других частях исследования. Местности, которым уделены специальные отделы, разбиты по нескольким главам: вторая посвящена ал-Гирасу (11—57), третья концентрирует материал, который доставили Хаз, Бейт-Гуфр, Хукка⁴ (58—155), четвертая основана исключительно на фотографиях Burchardt'a из Вадй Дахр, Замара, Хакира, Гаймана (163—186), наконец, пятая концентрирует весь материал о надписях, находящихся в Сан'а (187—242). В каждой из этих глав в первой их части до исследования надписей в отдельности делается свод данных о соответствующих местностях по арабским литературным источникам.

Особенный интерес для нас представляет глава, заключающая книгу и специально посвященная фальсификатам (243—251). С установлением регулярной связи с Йеменом все чаще начинают попадать в Союз и отдельные предметы этого рода и целые коллекции. В настоящее время в моем распоряжении кроме восьми предметов из коллекции А. И. Ступака, о которых я уже имел возможность упоминать,⁵ находится семь небольших бронз и одна каменная таблица из коллекции Б. В. Голуба, тоже вывезенной из Йемена. В методологическом отношении и для анализа всяких аналогичных предметов эта глава в работе Mordtmann-Mittwoch приобретает очень важное значение. Авторами дана здесь полная история подделок, появившихся впервые в конце 60-годов (243), с должной обстоятельностью освещена та роль, которую в этом деле играл Хайм Хебшуп (243—4),⁶ упомянутый и мною.⁷ В связи с этим историческим очерком дана

¹ Ibid.

² JA CCXV, 1929, 144.

³ Приложенная в конце карта дает общий план этих окрестностей Сан'а; в уменьшенном виде она помещена в JA CCXV, 143.

⁴ Я придерживаюсь транскрипции литературной формы; в работе Mordtmann-Mittwoch иногда чувствуется непоследовательность: в оглавлении, например, на одной и той же странице V мы встречаем и Huqqa и Hugga, Bait Gufr и Beit Ghor (опеч. вм. Beit Ghofr).

⁵ ИАН, 1931, 451—452.

⁶ Ср. еще index 267.

⁷ L. cit., 450—451.

сводка всех известных до настоящего времени подделок и литературы о них. Последнюю часть главы занимает описание 14 подделок, вывезенных Rathjens — v. Wissmann (№ 175—186), и находящихся, главным образом, в передне-азиатском отделении Берлинского Музея (№ 183 и 186 принадлежат американскому инженеру Twitchell).

О степени распространенности этих подделок, представляющих однообразные рельефы с краткими надписями (изображения 176, 184, 185 и рисунок 186), говорит то обстоятельство, что совершенно аналогичные предметы встречаются в коллекциях А. И. Ступака и Б. В. Голуба, но обыкновенно с характерным отличием: берлинская коллекция дает эти рельефы на камне (245), наша на бронзе и в связи с этим в несколько меньшем размере. Тип изображения и надписи абсолютно схожи в большинстве случаев. Так № 175—178 берлинской коллекции (мужчина en face с мечом в правой руке) имеет своих двойников в обеих упомянутых коллекциях, № 184 представлен в коллекции Б. В. Голуба, № 182 — в коллекции А. И. Ступака с добавлением внизу рельефного изображения змеи (слева) и собаки (справа) с головами, обращенными друг к другу. В берлинской коллекции не упоминаются образцы представленных у нас рельефов с изображением человека с лошадью в поводу (по направлению направо) и всадника верхом на лошади (с поворотом налево). Надписи на наших рельефах иногда варьируются сравнительно с берлинскими, но всегда они представляют, как отмечает Mordtmann-Mittwoch (246), ограниченный репертуар пяти-шести слов, буквы которых комбинируются в самом фантастическом порядке то с направлением направо, то с направлением налево, иногда вверх ногами или поставленными на ребро.¹ Наши коллекции говорят с определенностью, что индустрия подделок продолжает процветать и развиваться. Авторы предполагают, что в последнем периоде «медник» уступил свое место «резчику по камню» (244), но примеры наших бронзовых табличек с ясностью показывают, что промысел медника по-прежнему остается выгодным. Глава о фальсификатах послужит хорошим пособием для тех, кто пожелает отличить южно-арабские древности от современных изделий Йемена. Сторонником гиперкритики в вопросах о подлинности Mordtmann по-прежнему не является и его мнение о предметах, заподозренных Degenbourg'ом, о которых я упоминал,² остается твердым (245). С такою же определенностью он высказывается о некоторой случайности предположений M. Hartmann'a (224), равно как и других исследователей (45, прим.).

Книга Mordtmann-Mittwoch снабжена специальным глоссарием, который регистрирует весь языковой материал надписей и служит конкордансом к ним

¹ Ср. мои замечания в ИАН, 1931, 452.

² Ibid, 451.

(252—265), а частично привлекает данные и из других надписей.¹ Также рационально составлен систематический предметный указатель (266—268), хотя в него включены только главнейшие Stichwörter. Имеется и указатель надписей, привлеченных к исследованию из других собраний и изданий, главным образом СИН (269—270). Исследование каждой надписи сопровождается прекрасным воспроизведением фотографии, если таковая имеется, копий Glaser'a и Rathjens — v. Wissmann, еврейской транскрипцией, переводом и комментарием. В тексте сабейский шрифт не применяется, вероятно в виду его отсутствия в типографии, и по обычной семитологической традиции заменяется еврейским. В книге дано пять карт: окрестностей Сан'а, окрестностей Ҳысн Зү-Мармар (из которых происходит большинство надписей, найденных в ал-Гирасе) с геологическим наброском, план окрестностей Ҳаза и Бейт Гуфра, план деревни и развалин Ҳукка, карта Ваді Дахр с окрестностями. На плане Ҳукка нанесено даже нынешнее местонахождение всех надписей и открытых архитектурных деталей.

По языку все надписи относятся к сабейской группе. Значительные сомнения вызывает только № 166 (стр. 226—7), который издатели считают минейским, но другие ученые склонны видеть в нем передачу несемитического языка сабейским шрифтом.²

Результаты громадной работы, проделанной издателями, формулируются ими с большой скромностью в предисловии (IX); эту формулировку следует значительно расширить. Благодаря работе Mordtmann-Mittwoch входит в науку очень значительное количество inedita, связанных с экспедицией Rathjens — v. Wissmann. Число их, правда, меньше половины всего издаваемого материала (по моему подсчету около 74 номеров), не всегда вновь открываемые надписи первоклассного значения: очень часто они представляют небольшие фрагменты и простые graffiti. Наряду с этим, однако, ценно то, что из некоторых областей мы получаем надписи вообще впервые: такова, например, Ҳукка, откуда происходит около 15 надписей (№ 123—137) и восемь групп graffiti (№ 138—145). Объясняется это тем, что Rathjens — v. Wissmann были первыми европейцами, которые имели возможность провести в южной Аравии систематические раскопки, хотя конечно, в ограниченном масштабе (VII); раскопки эти производились именно в Ҳукка (143—144). Результаты их будут опубликованы во втором томе трудов экспедиции,³ куда войдет и описание архитектурных деталей, в большом количестве отмеченных на плане Ҳукка, равно как и рисунков, связанных с graffiti

¹ Кое-где в нем даны поправки и дополнения к самой работе, см. напр. 255 а. в. جرت, 262 а. в. قوم и др.

² См. JA ССХV, 1929, 149 прим.

³ Общие сведения об этих раскопках дал Rathjens в JA ССХV, 1929, 144, 146—148, где помещен и набросок плана раскопанного им храма, относящегося к эпохе около нашей эры (стр. 147).

(155). Точно также и в местности ал-Гирās до экспедиции Rathjens—v. Wissmann был единственно только Н. Burchardt (12). Относительно Сан'а исследован полностью весь материал; теперь можно с уверенностью сказать, что все имеющиеся здесь надписи (количеством около 25) приведены в известность и вошли в обиход науки. Характерно, что все, даже найденные здесь *in situ*, завезены из других мест; самое название города до сих пор найдено только в одной надписи, происходящей из Мариба (в форме *صنعر*). Объясняется это вероятно тем, что город приобрел важное значение и стал играть роль столицы вместо прежних Мариба и Зафары только в последний период доисламской эпохи (187—188).

Введение в обиход науки нового материала является не единственной заслугой издания; не менее важно внесение ясности в целый ряд известных уже надписей. Главное количество падает естественно на СИН, причем поправки и новая интерпретация иногда меняют совершенно картину прежнего понимания памятника. Это, конечно, отнюдь не умаляет достоинств единственного и необходимого всякому сабеисту свода, но нельзя забывать, что первый выпуск его вышел в 1887 г., когда разработка была в самом начале, а новый материал с тех пор иногда сразу освещал казавшийся тогда темным текст (XII). Крайне интересно, что при таком перекрестном анализе удалось установить место происхождения целого ряда надписей, давно уже завезенных в Сан'а или попавших в европейские собрания без всяких указаний, откуда они добыты (IX). Не менее интересно, что во многих случаях оказалось возможным выяснить принадлежность к одной надписи различных кусков или фрагментов, часто происходивших из разных местностей, о единстве которых иногда не подозревали даже издатели (см. напр. 60—61 и прим.; 73, № 33—34; 199—200, № 158 и ряд других). Более резкой критике, чем СИН, подвергаются нередко работы М. Hartmann'a, главным образом, соответствующие части «Die arabische Frage» и статьи, в которых впервые публиковались надписи Burchardt'a. С замечаниями авторов нельзя не согласиться: при всех достоинствах этих работ М. Hartmann'a, часто впервые приносивших новый материал, в них почти всегда чувствуется стремление к широким, иногда не обоснованным схемам и склонность к модернизации условий, в которых развивалась южная Аравия (см. напр. 67, прим. 1; 97; 181, прим. 2 и т. д.).

Скудное количество дат в южно-арабской эпиграфике заставило издателей обратить особенное внимание на вопросы хронологии, и вызвало предваряющий всю работу экскурс «Хронология сабейских надписей» (1—10). Выводы его очень ценны и последующим ученым придется, вероятно, из них исходить; в частности, конец катабанского царства, который Glaser'ом и Hommel'ем относится ко 2-му веку до н. э., Hartmann'ом к 80-м годам до н. э.,¹ отодвигается на три-

¹ Ср. еще статью J. Tkatsch в *Enz. d. Isl.* II, 871.

два века позже (9); подтверждается этот вывод и специальными генеалогическими изысканиями (218—220). Аналогичные экскурсы, рассыпанные на всем протяжении книги, касаются не только вопросов внешней истории Йемена (см., напр., объединение данных о царе Илшарах Йахдиб, 39—41 и др.), но и целого ряда данных о его внутренней структуре, главным образом, путем терминологического анализа. В таких экскурсах подробно изучаются административные термины *кабир* и *'ажиб* (135—137), военный *асад* (232—234), архитектурный *масб* и *мкнт* (169—170). Вообще архитектурная терминология, как всегда в южно-арабских надписях, представлена очень богато; нужно быть благодарным издателю за то, что он систематически зарегистрировал ее в *Sachregister* (266), но нельзя не согласиться с замечанием (208), что относительно многих терминов положение будет оставаться неясным до тех пор, пока остатки старых йеменских сооружений не будут обследованы каким-нибудь архитектором или инженером, обладающим кроме своей специальности необходимыми языковыми сведениями.

Из отдельных экскурсов останавливает внимание сводка данных о многочисленных надписях с известными словами Вадд-аб (229—230);¹ этому магическому слову, в состав которого входит имя божества Вадд, издатели придают такое же талисманическое значение, как имени демона *كبيح*, которое появляется на рукописях для охраны от порчи.

Вопросам археологии и искусства в тесном смысле будет отведено место, как уже указывалось, во втором томе; однако, и здесь дан ряд очень интересных изображений (124, 235—7, 240—2), среди которых особенно любопытно находящееся теперь в Берлинском музее изображение двух прядущих женщин (124 № 94а). Попутно издатели останавливаются и на некоторых деталях орнаментировки, как, например, появлении розетки в конце отдельных надписей (26 № 6, к третьей строке).² О богатстве грамматического материала, который исследуется издателями *passim*, дает ясное представление *Sachregister* (267 s. v. *Grammatisches* и 266 s. v. *Onomatologisches*); не могли издатели пройти мимо разнобоя в транскрипции трех свистящих звуков, который до сих пор господствует у сабеистов (X, прим. 1).³ С точки зрения стиля заслуживает внимания анализ приема *alliterazione onomastiche* (28—29, прим.), как он был назван E. Griffini (ср. еще указатель).

¹ Ср. мою заметку «Южно-арабский амулет», ЗВО, XXIV, 1917, 91—94.

² Ср. мои замечания по аналогичному поводу в ИАН, 1931, 446.

³ В дополнение к тому, что я писал об этом в ИАН 1931, 436 и 442 интересно отметить, что даже в двух вышедших одновременно работах итальянских ученых Ign. Guidi и C. Conti Rossin система транскрипции различна (ср. замечания по этому поводу C. Nallino в *Oriente Moderno*, XI, 1931, 396—397, прим. 2).

Библиогр. Востока, № 2—4,

Издатели не склонны считать выводы своей работы окончательными во всех ее деталях. Совершенно основательно они замечают, что при нынешнем состоянии сабейстики всякое *editio princeps* сабейских надписей будет носить только провизорный характер (XI). На некоторые части можно смотреть лишь как на предварительную сводку материала, которая только со временем может указать путь для толкования; особенно это надо сказать о таких продуктах, как сабейские *graffiti* (155—162), где так же мало возможна полная дешифровка, как и в некоторых фрагментированных надписях (см., напр., 227 № 167). При полноте использования литературы отсутствие упоминания о некоторых работах объясняется, вероятно, случайностью. Говоря об истории сабейского шрифта, издатели в качестве единственного исследования по этому вопросу упоминают замечания D. H. Müller'a в работе 1883 г. (1, прим. 1); полезна синтезирующая работа A. Grohmann'a «Über den Ursprung und die Entwicklung der äthiopischen Schrift»,¹ где даны очень ценные соображения и о сабейском шрифте с рядом интересных таблиц. На страницах, где идет речь о сведениях классических авторов о южной Аравии (особенно 7—8), хотелось бы видеть упоминание о статьях J. Tkatsch, независимо от отношения к его выводам.

Отдельные замечания в связи с текстом будут даны, вероятно, со временем специалистами при детальном монографическом изучении.² Они не могут быть предметом общей заметки, которая ставит себе задачей познакомить с новым приращением сабейского материала. Издание его дано в такой форме, которое делает возможной его обработку с самых разнообразных точек зрения. В области южно-арабской эпиграфики книга Mordtmann-Mittwoch является крупным событием за 1931 г. и надо радоваться, что результаты экспедиции Rathjens — v. Wissmann в этой области так быстро введены в обиход науки в прекрасном издании.³

Л., Май 1932.

* * *

Дополнение (1 января 1934 г.). Настоящая статья была сдана в редакцию в конце мая 1932 г. Вскоре после этого, 4 июля 1932 г., скончался несторе европейской сабейстики J. H. Mordtmann (см. некролог и библиографию его

¹ Archiv für Schriftkunde, Jahrgang I, Leipzig, 1918, 57—87.

² Сомнительным мне кажется собственное имя Рамхāн — رَمْحَن, в первой строке надписи № 5 (стр. 24—25, ср. указатель 263); авторы отмечают, что не только оно, но и самый корень до сих пор в надписях не зарегистрирован и сопоставляют его с الرمحين ذو хымьаритской касыды. Между тем в копии Rathjens — v. Wissmann определенно читается رَمْحَن (с ب, а не م): не может ли это имя стоять в связи с собственным именем رَمْحَن, которое указывает на основании надписей в словаре к хрестоматии Conti Rossini (236)?

³ Одним из участников экспедиции Н. v. Wissmann'ом впоследствии было совершено путешествие по Хадрамауту совместно с D. Van der Meulen'ом; результаты его были намечены к опубликованию фондом De Goeje в Лейдене (см. ZDMG LXXXV, 1931, 399) и вышли в свет в 1932 г. (Hadramaut. Some of its mysteries unveiled, Leyden 1932).

работ, опубликованную F. Babinger'ом в MSOS XXXV, 1932, 1—16). Благодаря энергии его сотрудника за последние годы E. Mittwoch'a удалось выпустить в свет несколько совместных работ; одна из них посвящена полному изданию сабейских надписей в государственных музеях Берлина (Himjarische Inschriften in den staatlichen Museen zu Berlin bearbeitet von J. H. Merdtmann und E. Mittwoch, Leipzig 1932 = Mitteilungen der Vorderasiatisch-Aegyptischen Gesellschaft, 37. Band, 1. Heft), другая — надписями из Хадрамаута и Адена, скопированным или эстампированным H. v. Wissmann'ом в 1931 г. (Altsüdarabische Inschriften von J. H. Mordtmann u. Eugen Mittwoch, Romae 1933 = Orientalia 1932, Heft 1—3 und 1933, Heft 1). Появился за это время и второй том, посвященный экспедиции, о которой идет речь в моей статье (Vorislamische Altertümer von Carl Rathjens und Hermann v. Wissmann, Hamburg, 1932); появился и ряд монографий наиболее деятельной австрийской школы, в которой наряду с ее руководителем N. Rhodokanakis'ом (напр. Altsabäische Texte II. WZKM XXXIX, 173—226) встречаются и новые имена его учеников (напр. Maria Höfer, Die sabäischen Inschriften der südarabischen Expedition im Kunsthistorischen Museum in Wien (I), WZKM XL, 1—36). Работа по сабейстике вступила в период несомненного оживления.

А. И. Востриков

К БИБЛИОГРАФИИ ТИБЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Несколько критических замечаний на работу: A Contribution to the Bibliography of Tibet. By Johan van Manen. Asiatic Society of Bengal. Journal and Proceedings (New Series), vol XVIII, 1922, № 8, pp. 445—525 (issued 16th November 1923)

Библиогрфия тибетской литературы — дело очень трудное и сложное в виду тех крайне ограниченных познаний, которыми мы располагаем в этой области. Если оставить в стороне འཇམ་འབྲུང་ и འཕྲུལ་འབྲུང་, на описание и изучение которых было положено немало труда и знаний,¹ но которые, будучи

¹ Достаточно вспомнить такую первоклассную работу как «Index du Bstan-hgyur» par P. Cordier (Catalogue du fonds tibétain de la Bibliothèque Nationale, IIme et IIIme Partie, Paris 1909—1915), каталог H. Beckh'a — («Verzeichniss der tibetischen Handschriften der Königlichen Bibliothek zu Berlin» von D-r Hermann Beckh, I Abt. Kanjur (Bkañ-hgyur), Berlin 1914), старую работу Csoma de Kőrös — «Analysis of the Kanjur and Tanjur» (в «Asiatic Researches» vol. XX, Calcutta, 1836) и ее усовершенствованный перевод L. Feer'a (в «Annales du Musée Guimet», vol. II, Paris 1881), труды Schmidt'a, Schiefner'a, Laufer'a и других ученых. Усилиями ряда ученых, — акад. Ф. И. Щербатского, Prof. L. de la Vallée Poussin'a и других, — немалое число тибетских текстов, заключающихся в этих двух собраниях, издано, переведено и исследовано.